

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Института лингвистических исследований
Российской Академии Наук

акад. Н.Н.Казанский

«28» августа 2015 г.

Отзыв

ведущей организации

о диссертационном исследовании А. В. Анашкина «Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопрооответов XI–XIV вв.» (М., 2015, 259 с., Библ. 188-206) представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 — Классическая филология, византийская и новогреческая филология

История греческого языка представляется одной из сложнейших областей грецистики. С одной стороны, исследователь должен иметь всестороннюю филологическую и лингвистическую подготовку и владеть как классическими, так и новейшими методами исследования. С другой стороны, крайне не прост выбор собственно предмета и материала для исследования, поскольку памятники, которые традиционно считаются важнейшими для истории языка, были уже неоднократно описаны. Тема, безусловно, обладает качеством **новизны и актуальности**, как это показывают новейшие работы, посвященные греческому языковому вопросу, в частности, монография Питера Макриджа,¹ которые позволили иначе взглянуть на знаменитую диглоссию и на развитие греческого языка вообще. Проиллюстрировать данный тезис можно двумя примерами. В области исторической морфологии на основании лингвистических данных, полученных при рассмотрении текстов из так называемой **народной литературы**, принято считать, что в Средние века в греческом языке исчез дательный падеж. Действительно, этот падеж отсутствует в димотике, однако он

¹ Mackridge P. H. Language and national identity in Greece, 1766–1976. Oxford, 2009.

активно употреблялся в текстах XIX в. (например, димотикистом Йоргосом Хадзидакисом) и до сих пор сохранился в ряде распространенных выражений типа Δόξα τῷ Θεῷ ‘Слава Богу’ или ἐν τάξει ‘в порядке’, где носители безошибочно определяют формы τῷ Θεῷ и τάξει как дательный падеж. Из лексики можно привести в качестве примера лексему οἶνος ‘вино’, вроде бы отсутствующую в новогреческом, но представленную в композитах (οἶνονωλεῖο ‘винная лавка’) и в словосочетаниях (ἐρυθρὸς οἶνος ‘красное вино’), известных всем носителям греческого языка независимо от их образования. Уместно ли в таком случае говорить об исчезновении из языка дательного падежа и лексемы οἶνος? Создание димотики и уничтожение кафареvusы, конечно же, оторвали современных греков от литературной и ученой традиции, однако еще до середины XX в. языковые варианты, составляющие греческую диглоссию (а, вероятно, правильнее говорить о полиглоссии²) на практике не боролись друг с другом, а напротив — активно взаимодействовали, вместе составляя языковой континуум, известный как новогреческий язык. Можно с уверенностью предположить, что подобная ситуация могла существовать и во времена византийского средневековья, когда разные языковые стили оказались закрепленными за определенными жанрами, и каждый по-своему отражал происходившие в языке процессы. Исследования Питера Макриджа, посвященные местоименным клитикам в так называемой **народной литературе**,³ показывают, что язык этих текстов (в частности, Эскуриальской версии «Поэмы о Дигенисе Акрите») не ближе к реальной разговорной речи, чем, скажем, язык византийской агиографии. Это открытие во многом развязывает руки исследователям, занимающимся историей греческого языка, поскольку каждый дошедший до нас текст оказывается ценен и как лингвистический источник.

В свете всего сказанного выше обращение к византийским каноническим вопросам не только обосновано, но даже необходимо, поскольку может дать представления о бытовании языка в рамках определенной традиции или даже среды. Не вызывает сомнений, что диссертационное исследование А. В. Анашкина вводит в научный оборот уникальнейший материал, который прежде не рассматривался с лингвистической точки зрения. Диссертационное исследование состоит из Введения, четырех глав, Заключения, «Index graecitatis» (включает десять грамматических терминов с иллюстрациями из текстов и четырнадцать лексем с переводами), Библиографии (состоит из источников и научной литературы на русском и шести иностранных языках) и двух приложений.

² См.: *Browning R. Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983. P. 112–113.*

³ См., напр.: *Mackridge P. H. The position of the weak object pronoun in Medieval and Modern Greek // Язык и речевая деятельность. Т. 3. 1. 2000. С. 133–151.*

Во Введении А. В. Анашкин кратко описывает проблематику, методологию, предмет и объект исследования и формулирует цель своей работы — всесторонне проанализировать особенности жанра и языка памятников указанного типа и выявить, насколько сильно язык данных памятников испытал влияние со стороны народного греческого. Термин ‘народный греческий’ использован в понимании Мартина Хинтербергера. Учитывая, что вопрос о народном греческом до сих пор является дискуссионным, диссертанту стоило бы не ограничиться ссылкой на Хинтербергера, а все-таки сформулировать свое понимание указанного явления.

В Главе I рассматривается жанровая проблематика вопросоответной литературы. Здесь описывается возникновение и распространение вопросоответной литературы и предпринимается попытка типологического анализа с привлечением негрекоязычных традиций. Один из важнейших выводов главы заключается в том, что, уходя корнями в античную традицию, вопросоответная литература представляет собой эпистолярный жанр деловой переписки. Этот вывод представляется крайне важным для предпринятого в следующих главах лингвистического описания.

Глава II представляет собой общий очерк истории византийской литературы и языка литературы. Ее задача — описать литературно-языковой контекст, в котором бытовали вопросоответные тексты. Ряд наблюдений диссертанта, сделанных в этой главе, требуют уточнения. Так, на с. 77 А. В. Анашкин пишет: «...еще в 1902 году для описания различного употребления устных и письменных регистров речи в современной Греции Карл Крумбахер употребил термин «Diglossie» в своем сочинении *Das Problem der neugriechischen Schriftsprache...*». Проблема в том, что в 1902 г. термин ‘диглоссия’ никак не мог быть связан с разграничением устного и письменного регистров. Димотика впервые появилась как раз в письменном виде в «Моем путешествии» Янниса Психариса. До этого она существовала лишь в виде многочисленных грамматик, описывающих некую идеальную, но не существующую в действительности языковую модель (простые люди говорили на диалекте, а образованные — на каком-то варианте кафаревусы). Нельзя не признать, что димотика намного более стандартизирована, чем кафаревуса. Ее специально развивали писатели и лингвисты.⁴ Кафаревусой же занимались неспециалисты, поэтому нет ни одной общеизвестной грамматики кафаревусы.

С. 77–79: «...ситуация с разрывом между литературно-письменным и разговорно-обиходным языком постепенно усугубляется и нарастающим обособлением территориальных диалектов, которые разделили некогда единое греческое языковое

⁴ Ср.: Mackridge. Language and national identity... P. 24.

пространство на несколько изолированных ареалов. Так, выделяется цаконский диалект, обособляется понтийское наречие, в центральных регионах Малой Азии (Каппадокия) при сильном тюркском влиянии после 1071 года формируется каппадокийский диалект». Выдвигая процитированный тезис, А. В. Анашкин последовал за общеизвестной гипотезой, согласно которой греческие диалекты исчезли в эпоху эллинистического койне, а потом (примерно в VIII в.) появились опять. При этом во многих из них проявились отдельные черты, свойственные древнегреческому языку, но не представленные в эллинистическом койне. Довольно трудно представить себе ситуацию, при которой весь грекоязычный мир вдруг отказывается полностью от всех диалектов и почти тысячу лет говорит на едином варианте греческого языка, несмотря на наличие разнообразных географических препятствий в виде проливов, рек, гор и лесов, а потом внезапно спохватывается и опять делится на диалекты. Современное состояние исторической грамматики греческого языка позволяет сделать однозначный вывод о том, что даже литературно-письменное эллинистическое койне делилось на региональные варианты. Несомненно, койне очень сильно повлияло на древнегреческие диалекты, однако нет оснований считать, что те исчезли.

На с. 78 в сн. 142 А. В. Анашкин указывает на цаконский диалект как на единственный диалект новогреческого языка, не претерпевший влияния со стороны койне. Это утверждение также представляется, по меньшей мере, спорным. На влияние койне указывают аналитические формы презенса и имперфекта, а также основной глагол речевой деятельности *αἶ*, восходящий к *λαλῶ/λαλέω*.⁵

Ниже в сн. 143 диссертант отмечает, «...что в понтийском диалекте нет кодификации, поэтому в нем, в свою очередь, выделяется ряд говоров». Данное утверждение неверно. Наличие говоров в диалекте не связано с его кодификацией. Например, на критском диалекте были созданы крупнейшие шедевры ранней новогреческой литературы. Иногда даже говорят о критском поэтическом койне.⁶ Тем не менее, на Крите зафиксировано несколько десятков говоров, отмеченных в «Диалектном атласе Крита» Никоса Кондосопулоса.⁷ Пример Крита свидетельствует о том, что кодификация диалекта, если и имеет место, то всегда позже деления на локальные варианты, к появлению которых, по-видимому, приводит

⁵ Подробнее см.: *Кисилиер М. Л.* Цаконские стереотипы // Гирфанова А. Х., Иванов С. В., Казанский Н. Н., Крючкова Е. Р., Фалилеев А. И. (ред.). *Varietas delectans*. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева. СПб., 2012. С. 262–271.

⁶ См., напр.: *Федченко В. В.* Стефан Сахликис. Формирование критского поэтического койне // *Васильков Я. В., Кисилиер М. Л.* (ред.). *Поэтика традиции*. Предисловие Ю. А. Клейнера. СПб., 2010. С. 258–274.

⁷ *Κοντοσόπουλος Ν. Γ.* Γλωσσικός Άτλας της Κρήτης. Ηράκλειον, 1988.

совокупность следующих факторов: а) широкий ареал распространения диалекта и б) существование географических препятствий (гор, рек, лесов) в пределах обозначенного ареала.

На с. 79 в сн. 145 отмечается, что каппадокийский диалект просуществовал «...вплоть до 1923 года». Бельгийский эллинист Марк Йансе регулярно публикует статьи,⁸ посвященные каппадокийскому диалекту, утверждая, что собирает данные у информантов, говорящих на каппадокийском диалекте.

На с. 81. диссертант пишет: «По наблюдениям Т. В. Поповой, новый литературный язык формировался в Византии не в каком-то одном регионе, а во многих, причем преимущественно в периферийных областях и в значительной мере — в островной части Греции, то есть на Крите, Родосе, Корфу, Лемносе, особенно на Кипре. <...> По замечаниям Х.-Г. Бека, большое значение в развитии нового димотического направления в языке и литературе XIV–XV вв. имел также остров Крит». В XIV–XV вв. греческие острова не были периферией. Напротив, они были своего рода «центрами» западноевропейской культуры, оказавшись под властью генуэзцев или венецианцев. Для жителей этих островов, скорее, материковая Греция и Константинополь были периферией. Знаменитый поэт Стефан Сахликис, предтеча Критского Возрождения и современник падения Константинополя, не написал ни строчки о гибели Византийской империи и о захвате ее столицы, как, впрочем, и его младший современник Леонардо Деллапорта. Конечно же, основным культурным центром был в первую очередь именно Крит, где творили Сахликис, Деллапорта, а позднее Корнарос и Хортацис. Там впервые была использована рифма, опробованы разнообразные жанры западноевропейской литературы (например, так называемый «дамский турнир») и появилась литература барокко.⁹

На с. 81–82 диссертант пишет: «Сделав общий обзор литературного развития и развития византийского койне в позднем средневековье, следует обратить внимание на формирование и развитие единого «стандартного языка» в среде образованных людей. <...> В письменном языке все больше и больше прослеживается формирование общераспространенной синтаксической структуры, в которой такие фундаментальные понятия, как порядок слов и положение местоимений определены нормами современного

⁸ См., напр.: *Janse M. Cappadocian clitics and the syntax-morphology interface // Joseph B. D., Horrocks G., Philippaki-Warbuton I. (eds.). Themes in Greek linguistics II. Amsterdam, 1998. P. 257–282; Janse M. Cappadocian // Τζιτζιλής Χρ. (εκδ.). Νεοελληνικοί διάλεκτοι.*

⁹ Подробнее см.: *Χόλτον Ντ. Μελέτες για τον Ερωτόκριτο και άλλα νεοελληνικά κείμενα. Αθήνα, 2000; Holton D. (επιμ.). Λογοτεχνία και κοινωνία στην Κρήτη της Αναγέννησης. Ρέθυμνο, 2006.*

языка (где синтаксические единства совпадают с просодическими)». Высказывание о совпадении синтаксических и просодических единств, по-видимому, восходит к наблюдению Т. М. Николаевой о третьем этапе просодической эволюции (пост-словном), «...когда фразово-просодической единицей оказывается фрагмент, больший, чем слово, а мелодические контуры становятся все более четко очерченными и глобальными».¹⁰ Речь здесь идет не о позднем византийском средневековье, а об эллинистическом койне и отчасти о позднем койне (то есть о периоде до V–VI вв.).

Глава III знакомит читателя с исследуемыми текстами, их содержанием и основными сведениями об их авторах, насколько это возможно. Кроме того, А. В. Анашкин дает общую лингвистическую характеристику каждого из текстов. Стоит подробнее остановиться на одном примере. Описывая текст Иоасафа Эфесского, диссертант обращает внимание на пример <...> προηρίαται γάρ τὰ ἄγια καὶ ἤδη εἰσὶ τετελειωμένα (с. 126–127). В частности, А. В. Анашкин пишет: «В настоящем примере примечательно то, что в предложении причины, где стоит причастие Perf. Pass. Nom. Pl. neutr. τετελειωμένα (— именная часть составного именного сказуемого), вместе с этим грамматическим несоответствием сосуществует и соблюдение правила среднего рода — προηρίαται γάρ τὰ ἄγια. Почему это правило не сработало в случае со вторым сказуемым — εἰσὶ — неясно». Однако можно предложить следующее объяснение: глагол εἰσὶ ‘быть’ употреблен во множественном числе, вопреки древнегреческим правилам, потому, что в отличие от формы προηρίαται здесь глагол εἰσὶ — не полнозначный глагол, а глагол-связка (хоть и написан с ударением).

Более подробному лингвистическому анализу текстов посвящена Глава IV. По-видимому, ее следует считать ключевой частью всего диссертационного исследования. Глава начинается с анализа лексики. Автор предлагает выделять четыре лексические группы: 1) слова с уникальной семантикой, отличающейся от представленной в исторических словарях, — описание сдвига значения представляется очень важным вкладом автора диссертации в изучение истории греческого языка; 2) термины; 3) заимствованная лексика — следует отметить, что она, в целом, типична и для других византийских текстов;¹¹ 4) слова и формы слов, нехарактерные для классического вокабуляра — представленный в нем материал очень интересен.

¹⁰ Николаева Т. М. Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., 1996. С. 15.

¹¹ Ср.: Simón Palmer J. Latinismos en el léxico del “Pratum spiritual” de Juan Mosco // Bádenas de la Peña P., Egea J. M. (eds.). Oriente y Occidente en la Edad Media. Influjo bizantino en la cultura occidental. Vitoria y Gasteiz, 1993. P. 9–21.

Второй раздел главы посвящен именной и глагольной морфологии вопросоответных текстов. Описывая артикль, А. В. Анашкин отмечает, что иногда местоимение τῆς 'некто' выполняло роль неопределенного артикля. При этом числительное εἷς 'один' ни разу не зафиксировано в данной функции. Показательно, что и в агиографических текстах VI–VII вв. местоимение τῆς с рядом оговорок можно считать неопределенным артиклем, правда, наравне с числительным εἷς.¹² Возникает вопрос, служит ли подобная параллель не подтверждением влияния устной языковой традиции, а наоборот — контрдоводом, свидетельствующим о крайней консервативности языка вопросоответных текстов?

По мнению диссертанта (с. 136), в «...древнегреческом языке и в койне артикль выступает в двух качествах: во-первых, как формальный маркер имени существительного, а во-вторых — как показатель определенности (а также служит показателем атрибутивных и предикативных отношений)». Предложенное определение кажется не вполне точным и удачным. Ни древнегреческий, ни новогреческий артикль не являются показателями определенности. Иными словами — ὁ ἄνθρωπος не имеет обязательного значения 'этот человек'. Более точным представляется понимание артикля как маркера именной группы. Именно поэтому с помощью артикля и происходит субстантивация, а несогласованное определение ставится между артиклем и определяемым словом.

Крайне интересным представляется рассмотрение глагольных времен. Это вообще одна из самых «проблемных» тем греческой грамматики, и поэтому любой новый материал всегда привлекает внимание исследователей. Диссертант довольно подробно описывает морфологию перфектных форм, но, к сожалению, почти не останавливается на их семантике. В итоге, «взаимоотношения» прошедших времен в вопросоответных текстах остаются неясными.

Предпринятый диссертантом анализ форм будущего времени показал, что в вопросоответной литературе почти не встречаются аналитические формы, а у конструкций с μέλλω можно усматривать оттенок намерения. Вероятно, именно поэтому отсутствуют формы с ἔχω: как известно, аналитические формы с μέλλω имели значение несовершенного вида, а с ἔχω — совершенного.¹³

На с. 163–170 А. В. Анашкин приводит интересные количественные данные по частицам, демонстрируя владение методами статистических расчетов, и анализирует лексическое значение частиц. Совсем не затрагивается вопрос о месте частиц (и

¹² См., напр.: *Кисилиер М. Л.* Местоименные клитики в «Луке Духовном» Иоанна Мосха. СПб., 2011. С. 44.

¹³ См., напр.: *Абдрахманова Д. Р.* Оформление грамматики будущего времени в новогреческом языке и его диалектах. Дипломная работа. СПб. (СПбГУ), 2002. На правах рукописи. С. 16–18, 35 сл.

местоименных клитик) в предложении, а этот вопрос напрямую связан с темой исследования. Наиболее чутко на все языковые изменения реагирует просодия языка, ключом к которой и является изучение клитик. Для настоящего исследования существенными могли бы стать следующие вопросы: 1) расставляются ли клитики (частицы и местоимения) в анализируемых текстах по Закону Ваккернагеля, 2) формируются ли цепочки клитик, 3) соблюдается ли правило рангов, 4) как выглядят нарушения Закона Ваккернагеля.¹⁴ Подобный анализ позволил бы сделать более точные выводы о том, насколько вопросоответные тексты консервативны в языковом отношении.

Отдельно хочется отметить пример на с. 172: *Εἰ δὲ πολλάκις εἶχε τὸν λειτουργίῃ αὐτὸν σαββάτῳ ἢ κυριακῇ...* Перед нами характерный для балканских языков случай местоименного повтора дополнения (антиципация местоименного дополнения). Диссертант ошибочно называет это местоименной репризой. При репризе дублирующее дополнение, выраженное местоименной клитикой, ставится после полноударного дополнения: *τον άνδρα μου τον αγαλώ* 'мужа моего его я люблю', а при антиципации дублирующее дополнение, представленное местоименной клитикой, предшествует полноударному дополнению: *τον ξέρω καλά τον άνδρα μου* 'его я знаю хорошо моего мужа'. Новогреческий местоименный повтор дополнения принято считать разговорной чертой. Было бы интересно обнаружить еще примеры, чтобы понять значение и функцию местоименного повтора в такого рода текстах.

В Заключении представлены достаточно убедительные и обоснованные выводы. Особо хочется отметить приложения, которые позволяют читателю представить корпус проанализированных текстов и раскрывают перспективу для дальнейшей работы.

Диссертационное исследование легко читается, большинство примеров снабжены переводами, опечатки крайне немногочисленны. Высказанные выше замечания не затрагивают ключевых моментов данного исследования, новизна, актуальность и теоретическая и практическая значимость которого не вызывает сомнений. Автореферат и публикации по теме в должной степени отражают содержание работы.

Диссертационное исследование А. В. Анашкина «Жанровые и языковые особенности византийских канонических вопросоответов XI–XIV вв.» представляет собой научно-квалификационную работу, соответствующую критериям, установленным п. 7 Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ, а сам Антон Владимирович Анашкин

---

¹⁴ Подробнее см.: *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008; *Кисилиер.* Местоименные клитики... С. 102 и приводимую там библиографию.

заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 — Классическая филология, византийская и новогреческая филология.

Отзыв составлен старшим научным сотрудником ИЛИ РАН, кандидатом филологических наук М. Л. Кисилиером и обсужден на заседании Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук 28 августа 2015 г., протокол № 6.

Зам. зав. Отделом

к. ф. н. Н. Л. Сухачев

Подпись Н. Л. Сухачева
удостоверяю
ст. референт ИЛИ РАН

